

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

Эпоха «социального
государства» в США:
от завершения Второй
мировой войны до Рейгана

Препринт М-77/20

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2020

У 74 **Усанов П.**

Эпоха «социального государства» в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана / Павел Усанов : Препринт М-77/20. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 34 с. — (Серия препринтов; М-77/20; Центр исследований модернизации).

В препринте исследованы политико-экономические процессы, происходившие в США в период с 1945 по 1980 г., который принято называть периодом «социального государства» (Welfare State). Эта модель подразумевала активную роль государства в экономике и общественных процессах, значительный рост социальных расходов, прогрессивное налогообложение, активную роль профсоюзов, обеспечение полной занятости и высокого экономического роста за счет кейнсианских инструментов макроэкономической политики. В препринте исследованы причины феноменального успеха экономики США в 1950-е гг., а также то, почему стала активно расширяться роль государства. Уже в 1960–1970-х гг. система начала давать сбои — стагфляция и попытки государства решить проблемы с помощью кейнсианства не дали желаемого результата и вызвали подъем либертарианских идей. Приход к власти Рейгана, провозгласившего, что «государство не является средством решения проблем, государство само является проблемой», стало символическим итогом эпохи «социального государства».

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета, директор Института Хайека. Электронная почта: usanovpv@mail.ru

Те, кто в главном отказываются от свободы ради покупки временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Бенджамин Франклин (1706–1790)

Период с 1945 по 1980 г. в США принято считать периодом Welfare State¹, так как за этот период принципиально изменилась экономическая политика. Если до начала Первой мировой войны в основном проводилась политика Laissez Faire в США, не было федерального подоходного налога и центрального банка, то период «Нового курса» считают примером беспрецедентного расширения масштабов государственного вмешательства в экономику. Но поскольку такой эксперимент проводился в период Великой депрессии и Второй мировой войны, предполагалось, что интервенционизм обусловлен экстраординарными обстоятельствами кризиса и войны, а когда наступят мирные времена, Америка вернется к принципам экономической свободы и индивидуализма. Однако идеологический сдвиг в сторону этатизма, произошедший в 1930-е гг., привел к появлению убеждения, что модель активного государственного вмешательства должна быть перенесена и на мирное время². В Великобритании это произошло сразу же после завершения Второй мировой

¹ В англоязычной литературе устоялся термин Welfare State, в русском языке нет общепринятого перевода. В советские годы принято было переводить этот термин как «государство всеобщего благосостояния». В данной работе мы используем перевод «социальное государство» либо термин на английском языке.

² После завершения Второй мировой войны в 1947 г. Людвиг фон Мизес писал: «К несчастью, с плодами плановой экономики можно также ознакомиться и здесь, в США. Несбалансированные бюджеты, дефицитное финансирование, низкие процентные ставки и всевозможные регламентации вызывают здесь неподдельный энтузиазм. От тех, кто осмеливается возражать, просто отмахиваются как от “консерваторов и реакционеров”» [Хьюльсманн 2013, с. 601].

войны³ благодаря правительству Клементы Эттли (1883–1967), национализировавшего ключевые отрасли британской экономики. В США ситуация была иной. Америка вступила в холодную войну на стороне защиты капитализма. Политика Дуайта Эйзенхауэра (1890–1969) дала импульс к бурному росту экономики. Однако на его смену пришли политики, убежденные в необходимости расширения «нового фронта» (Джон Кеннеди (1917–1963)) и строительства «Великого общества» (Линдон Джонсон (1908–1973)).

В глазах таких современных политиков-демократов, как Берни Сандерс (р. 1941) и Джозеф Байден (р. 1942), период «социального государства» был примером того, как свобода и благосостояние совмещаются с активной ролью государства в экономике. Если немецкие исследователи обнаружили такое явление, как «ностальгия» [Абэ 2017], на территории бывшего ГДР, то в США эта ностальгия по явно идеализированному периоду Welfare State. Они полагают, что данный период был периодом социальной гармонии, солидарности, защищенности и процветания. Все это, на их взгляд, было обеспечено активной ролью профсоюзов, высокими прогрессивными ставками налогообложения, социальными программами и государственным регулированием медицины и образования. Если капитализм *Laissez Faire* — это жестокая атомизированная система эгоизма и вражды, то Welfare State — это общество, где государство заботится о людях и нуждах «от колыбели до могилы». Не зря в глазах современных сторонников Welfare State желательная политика — это возрождение практик Франклина Рузвельта и проведение *New New Deal*.

³ В Великобритании у многих были социалистические взгляды, популярные во время войны. В марте 1941 г., прежде чем отправиться с бомбардировкой в Германию, пилот Уитни Стрейт, служивший в британских королевских военно-воздушных силах, написал письмо своему брату-коммунисту, одновременно являвшемуся шпионом в советской разведке. Как и многие информированные люди в то время, Стрейт знал, что поражение Германии было лишь вопросом времени. В своем письме Стрейт поделился волнением по поводу «социалистического потенциала» кампании бомбардировок против Германии и, как это ни странно звучит, по поводу возможностей, созданных немецкой бомбардировкой Лондона: «Мы уничтожали немцев в воздухе днем и в ближайшее время будем делать то же самое ночью. Последняя бомбежка была не очень удачной, но продолжение будет, я убежден, забавным. Лондон будет самым лучшим, самым эффективным, самым красивым городом в мире, запомни мои слова. Мы также увидим очень хорошую социальную систему. Война — отличный уравниватель, и люди захотят, чтобы мир оставался таким же и после войны. У нас будет действительно социалистическое государство» [Straight 1983, p. 146].

Ностальгия по американскому «социализму» 1960–1970-х гг. передалась и молодому поколению политиков, таких как Окасио-Кортес (р. 1989).

Когда в 1948 г. Гарри Трумэн (1884–1972) предложил конгрессу новые программы в стиле «Нового курса» Рузвельта, он получил отказ в выделении новых средств [Ротунда 2016]. Напротив, американцы поддерживали политику сворачивания рузвельтовских программ, которые порядком всем поднадоели. Именно опыт существования в условиях «алфавитных агентств» Рузвельта породил переход в лагерь свободного рынка таких его лидеров во второй половине XX века, как Милтон Фридман (1912–2006) и Рональд Рейган (1911–2004). Последнему суждено было стать символом торжества «неолиберализма» и заката «социально-го государства». Факты говорят о том, что, хотя риторика Рейгана была направлена на сокращение размеров государства, фактически его политика привела к увеличению доли государственных расходов в ВВП [Усанов 2014]. Тем не менее факты также говорят о том, что модель Welfare State была создана задолго до Рейгана. С 1949 по 1979 г. расходы на оборону увеличились в десять раз (с 11,5 млрд долл. до 114,5 млрд долл.), но остались на уровне 4–5 % ВВП. Социальные же расходы выросли в 25 раз (с 10 млрд долл. до 259 млрд долл.). Их часть в бюджете составила более 50 % [Джонсон 1995, с. 243].

Модель Welfare State подразумевает, что одна часть общества обеспечивает за счет государственного принуждения «достойную жизнь» другой части общества. Проблема в том, что если вначале 10 % должны обеспечить 90 % достойную жизнь, то все захотят этим воспользоваться. Это приведет к тому, что через какое-то время 50 % будут обеспечивать 50 %. В итоге это может привести к тому, что 100 % населения живет за счет 100 % населения. Тем самым произойдет выполнение формулы Ф. Бастиа [Бастиа 2006, с. 88–106], где государство — это фикция, посредством которой все люди пытаются жить за счет всех. Эта ситуация в теории общественного выбора называется «полным рассеиванием ренты». Именно такой сценарий был реализован в период 1945–1980 гг., когда пытались осуществить модель «холодного» социализма, об опасностях которого предупреждал Фридрих Хайек [Wapshot 2011]. Если в 1930–1940-е мир был увлечен идеями централизованного планирования и национализации средств производства, то после Второй мировой войны Запад переключился на другую — «холодную» — версию социализма, где государство активно регулирует экономику и перераспределяет больше 50 % ВВП. Однако Хайек предупреждал о том, что хотя иными, более окольными путями, но этот «холодный» социализм также

ведет в тупик, на что, правда, требуется больше времени. В США на осознание этого потребовалось 35 лет.

Как пишет Р. Капелюшников: «Привычка к зависимости от государства, утрата предпринимательского духа, ослабление личной инициативы и ответственности в какой-то момент могут подтолкнуть к настолько кардинальным изменениям политической системы, что “холодный” социализм станет мало отличим от горячего» [Капелюшников 2016, с. 33].

К 1979 г. эту идею поняли и простые граждане США: обычные прохожие в Нью-Йорке, как один, на вопрос о том, какова проблема американской экономики, отвечали: «Слишком много бюрократии»⁴.

Два периода в истории послевоенной экономики США

Ошибочно полагать, что период с 1945 по 1980 г. был гомогенным с точки зрения экономической политики и может быть назван одним термином «социальное государство». По существу, можно выделить два периода в рамках этого отрезка времени: 1) 1945–1960 гг. — период рыночных реформ и 2) 1960–1980 гг. — период собственно «социального государства».

Источником феноменального экономического роста было беспрецедентное снижение государственных расходов. Конгресс резко сократил государственные расходы: с 44 % от ВВП в 1944 г. до 8,9 % в 1947 г., что стало источником роста инвестиций, потребления и предпринимательской активности [Усанов 2017а].

Были проведены важнейшие для экономического роста рыночные реформы: снижение налогов и государственных расходов, сокращение государственного долга, свертывание программ «Нового курса», снижение таможенных пошлин, стабилизация денежного обращения за счет возвращения, пускай и в значительно усеченном масштабе, к золотому стандарту на Бреттон-Вудской конференции 1944 г.

Все эти меры вызвали волну инноваций, изменивших повседневную жизнь простых американцев и потребителей их продукции во всем мире. «В среднем с 1946 по 1973 г. экономика США росла на 3,8 % ежегодно, а реальный доход домохозяйств — на 2,1 %, сельское хозяйство испытало резкий подъем: с 1945 по 1960 г. производительность росла ежегодно

⁴ См. видеозапись серии интервью в Нью-Йорке в 1979 г.: <https://www.youtube.com/watch?v=UiMus1FJb9w>.

в среднем на 4 %, в то время как с 1835 по 1935 г. — всего на 1 %. То есть производительность росла в четыре раза быстрее, чем в предшествующий период. Таковы следствия проведения политики рыночных реформ в США» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 314].

Кроме того, «США снизили тарифы на облагаемый пошлинами импорт в среднем с 33 % в 1944 г. до 13 % всего шесть лет спустя. Доля США в мировой торговле промышленными товарами выросла с 10 % в 1933 г. до 29 % в 1953 г.» [Там же, с. 318].

За этот период стали внедрены инновации, которые сделали жизнь миллиардов человек гораздо комфортнее: в 1947 г. была изобретена микроволновая печь, в 1949 г. изобретены пленки одноразового использования, в 1956 г. — пульт дистанционного управления, в 1959 г. была создана знаменитая кукла «Барби», в 1958 г. — внедрена кредитная карточка, а банкомат — в 1967 г. Следует отметить, что эти вещи были созданы и получили массовое распространение в капиталистической экономике США, все эти «блага цивилизации» были недоступны гражданину СССР и об их существовании он узнал через 30–40 лет после их изобретения, то есть только в 1990-е гг. [Корнаи 2012, с. 40–44].

Кроме вышеперечисленных факторов, огромную роль сыграло то, что американское общество предпочло остаться в стороне от социализма. Это выгодно отличало общественно-политические настроения послевоенной Америки по сравнению с европейскими державами, где левые идеологии были сразу же опробованы после Второй мировой войны. Так, «Великобритания, товарищ США по оружию, отметила окончание войны, проголосовав за построение Нового Иерусалима. Правительство лейбористов, победивших с огромным отрывом, национализировало ключевые предприятия, ввело систему социального обеспечения “от колыбели до могилы” и пообещало широкую программу социалистических преобразований. Национализированные отрасли задыхались от раздутых штатов и падения производительности» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 316–317]. Вместе с ростом социальных программ росли налоги и количество регулятивных мер. В результате высоких налогов дошло до того, что в 1971 г. группа «Роллинг Стоунз» решила уехать из Англии из-за высоких налогов [Адамс 2018, с. 515], а прославленный шведский режиссер Ингмар Бергман подвергся налоговому террору и вынужден был покинуть родину в период «социального государства» [Там же, 487–488].

Хайек предсказывал эти неизбежные следствия «холодного» социализма. Однако в момент завершения Второй мировой войны господство-

вали в США скорее прорыночные настроения. Не в последнюю очередь благодаря самому Хайеку.

«Дорога к рабству» Хайека стала в 1944 г. в США бестселлером⁵, работы Дж. Стиглера, М. Фридмана, Ф. Хайека и А. Рэнд заложили фундамент антиэтатизма в США [Бернс 2020].

На момент завершения войны «к коммунизму у американцев было крайне прохладное отношение. В Европе коммунисты получили 26 % голосов во Франции, 23,5 % — в Финляндии, 19,5 % — в Исландии и 19 % — в Италии. У американцев же опрос 1946 г. показал, что 67 % американцев против того, чтобы коммунисты занимали государственные должности, а опрос 1947 г. — что 61 % респондентов высказались за объявление коммунистической партии вне закона» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 317–318].

Еще одним важным фактором стабилизации международной торговли и финансов стало то, что США установили размен долларов на золото по курсу \$ 35 за 1 тройскую унцию. В конце войны золотые резервы США были самыми большими в мире [Усанов 2019, с. 68–69], что делало доллар наиболее привлекательным средством обмена в мировой экономике. Рост международной торговли в мирное время увеличил спрос на доллары США. Однако при формировании Бреттон-Вудской системы была заложена бомба замедленного действия: если США будут увеличивать количество долларов под влиянием роста спроса, то золота будет не хватать для размена фиатных денег на благородный металл. Как следствие, это приведет к оттоку золота из Форт-Нокса и краху системы. Это произошло, как предсказывали экономисты австрийской школы, в 1971 г. [Ротбард 2008, с. 128–138].

Следует признать, что США в 1950-е гг. повезло с президентом Д. Эйзенхауэром, который был убежденным сторонником рыночной экономики и свободы предпринимательства. При нем доля государственных расходов не увеличилась, социальные расходы стали расти только после него. По существу, основа американского процветания была заложена Д. Эйзенхауэром в 1950-е гг. Как писал о нем английский историк Пол Джонсон: «Ему была противна идея превращения Америки в “со-

⁵ В этом же 1944 г. вышла книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» об истоках тоталитарной идеологии от Платона до Маркса, сыгравшая важную роль в критике социализма после Второй мировой войны [Поппер 2005]. Не менее важную роль в популяризации идей Хайека сыграла книга Джорджа Оруэлла «1984», а также его критика тоталитаризма с левых позиций [Steele 2017].

циальное государство”. В сущности, он был глубоко консервативен» [Джонсон 1995, с. 43]. Он был не только противником роста военных расходов, но и утверждал, что «нет защиты для страны, которая уничтожает свою экономику» [Там же]. Несмотря на то что Эйзенхауэр был генералом, он являлся противником милитаризации экономики и выполнил обещание не вступать в войны [Чернявский, Дубова 2015]⁶.

В 1950-е гг. росли практически все отрасли американской экономики⁷.

По словам Алана Гринспена: «Свидетельства успеха тех лет потрясают. К 1960 г. средняя американская семья была на 30 % богаче, чем в 1950 г. Более 60 % людей владели собственными домами. Четверть домов в США были построены за предыдущие 10 лет. Было ощущение, что 1960-е превзойдут даже эти показатели. Между 1960 и 1965 гг. реальный ВВП вырос на 28 %» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 339]. Испытала бурный рост и отрасль авиаперевозок: «Количество пассажиров воздушных путей также выросло. Стоимость перелета по отношению к остальным товарам с 1940 по 1950 г. упала на 8 %, с 1950 по 1960 г. — на 4,5 %, с 1960 по 1980 г. — на 2,8 %, а затем стабилизировалась, хотя качество этих перевозок в 1980–2014 гг. падало. Количество пассажиромиль в авиатранспорте с 1940 по 1950 г. росло на 24,4 % ежегодно, с 1950 по 1960 г. — на 14,3 % ежегодно, с 1960 по 1980 г. — на 9,9 % ежегодно» [Там же, с. 327].

Не все были восхищены небывалыми успехами экономического роста. Появились моралисты, осуждающие американцев за склонность к шопингу: «Экономика показывала настолько блестящие результаты, что издатели выпустили целую серию бестселлеров, оплакивающих проблему изобилия. Они обвиняли американцев в конформизме, консьюмеризме, в том, что они стали винтиками в корпоративной

⁶ К сожалению, были и исключения из правила. Так, «Федеральный закон 1956 г. об автомагистралях предусматривал строительство к 1969 г. 66 000 км шоссе на общую сумму 25 млрд долл. Поставленных целей достичь не удалось: первое трансконтинентальное шоссе I-80 было закончено только в 1986 г., а южная федеральная трасса I-10, была достроена только в 1990 г. Между 1958 и 1991 гг. на строительство этих систем федеральное правительство и власти штатов затратили почти 429 млрд долл.» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 326].

⁷ Росла численность населения, причем активнее всего за пределами крупных городов. «Более 80 % роста населения в 1950-е и 1960-е гг. пришлось на пригороды» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 327]. Кроме того, об успехах экономики косвенно свидетельствует то, что «доля американцев, родившихся за рубежом, упала с 6,9 % в 1950 г. до 4,7 % в 1970 г. — наименьшего значения в истории Америки» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 338].

машине. «Общество избытия» Джона Гэлбрейта [Гэлбрейт 2018] обвиняло их в удовлетворении своих желаний «с безрассудной легкостью» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 336].

Самым ярким свидетельством консьюмеризма, который делал американцев независимыми от политических баталий, является эпизод, связанный с инаугурацией президента Эйзенхауэра. «19 января 1953 г. транслировали эпизод комедийного сериала “Я люблю Люси”, в котором главная героиня должна была родить (одновременно с актрисой Люсиль Болл); 68,8 % телезрителей страны сидели у телевизоров — это было гораздо больше, чем на следующий день, когда показывали церемонию инаугурации Дуайта Эйзенхауэра» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 337].

Американцы не только активно передвигались, они значительно увеличили спрос на современные гостиницы: «Рекламный слоган Holiday Inn гласил: “Лучший сюрприз — отсутствие сюрпризов”. Золотая эра американского роста стала и эпохой стирания этнических различий (по крайней мере в отношении иммиграции) и бурного развития американизма» [Там же, с. 337].

Американцы всегда были одержимы созданием системы образования. Они активно открывали университеты уже после Войны за независимость. И били при этом мировые рекорды. Филантропы повсеместно стремились создать университет, который был бы центром мировой науки и образования.

Но по-настоящему массовым образование в США стало только после Второй мировой. Это привело к формированию слоя людей, которые были высокообразованными и амбициозными, но при этом слабо представляли себе то, как устроена жизнь. Естественная для интеллектуалов вера в разум приводила их к рационалистическому убеждению, что общество нуждается в реформировании на социалистических началах [Хайек 2003].

«Послевоенная Америка возглавила создание экономики знаний. Американское высшее образование было и доступным, и качественным — это стало его уникальной чертой. Доля людей в возрасте от 18 до 24 лет, получивших высшее образование, выросла с 9,1 % в 1939 г. до 15,2 % в 1949 г., 23,8 % в 1959 г. и 35 % в 1969 г [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 321]. Среди них были и те, что получили в стенах антикапиталистическую закваску. «Воодушевляющий доклад Комиссии по политике в области образования, опубликованный в 1951 г., призывал американцев “направлять больше экономических ресурсов в обучение талантливых людей”» [Там же, с. 322].

Массовое высшее образование, особенно в социальных и гуманитарных науках, привело к тому, что университеты стали рассадниками антикапиталистической ментальности — не случайно волнения в 1968 г. произошли именно в университетах. Однако задолго до этого интеллектуальный климат в США изменился. Интеллектуалы и политики были убеждены в том, что «великий спор между социализмом и капитализмом завершен», теперь речь должна идти о том, как именно государство должно регулировать экономику. Дж. К. Гэлбрейт [Маргания, Травин 2011, с. 517–530] провозгласил «Всеобщее изобилие» за счет конвергенции двух систем: социализма и капитализма [Гэлбрейт 2004]. Кейнсианцы стали основными проводниками политики интервенционизма. Сциентистская гордыня породила убеждение в том, что с помощью манипуляций с совокупным спросом и кривой Филлипса можно технократическим путем обеспечить непрерывный рост благосостояния.

История повторяется дважды: на этот раз рационалистический конструктивизм и сциентистская гордыня привели не к тоталитарному обществу, а к «холодному» социализму. «Головокружение от успехов» породило то, что политики сыпали обещаниями («пушки и масло»), которые были попросту невыполнимы, в то же время рабочие требовали повышения зарплат независимо от роста производительности, а кейнсианцы обещали постоянный рост экономики за счет инструментов монетарной и фискальной политики [Хансен 2006].

Джон Кеннеди был тем президентом, который призвал двигаться в сторону «нового фронта». Он смог лишь сделать первые шаги, его последователи пошли дальше. Кеннеди ввел так много республиканцев в свой кабинет, что Уолтер Липпман (1889–1974) не удержался от язвительного замечания о том, что «это была администрация Эйзенхауэра, только на 30 лет моложе» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 343]. «Тем не менее Кеннеди подготовил почву для резкого роста расходов, заполнив Совет экономических консультантов при президенте учеными-кейнсианцами» [Там же, с. 343]. «Советники предупредили, что главная проблема страны состоит в том, что Министерство финансов собирает слишком много денег. Большой профицит федерального бюджета может вызвать дефляцию и задержку экономического роста — явление, известное как “фискальный тормоз”. И правительству требовалось найти способы, как потратить деньги» [Там же, с. 343–344].

Когда главная проблема состоит в том, чтобы придумать, как потратить деньги, которых «слишком много», — жди беды. Скоро этой проблемы не будет, так как нечего будет тратить.

Welfare State: свойства и причины возникновения

Если для капитализма свободного рынка характерны верховенство права, свобода договора и предпринимательства, то модель Welfare State отличается от нее радикально, она подразумевает четыре основных свойства:

1. *Сильные профсоюзы.* Именно в 1960–1970-е гг. профсоюзы растут не только по численности, но и по политическому влиянию. Они оказывают решающее воздействие на выборы, влияют на ставки заработной платы и условия договора. Усиление их роли привело к тому, что происходило увеличение заработных плат членов профсоюзов без роста производительности труда. Такая ситуация не может долго продолжаться, так как это приводит к росту цен. Однако профсоюзы на это реагировали требованиями еще большей заработной платы и осуществляли настоящий террор по отношению к не членам профсоюза. Постоянные забастовки приводили к падению выпуска продукции и росту издержек производства. Профсоюзы превратились в институт защиты не интересов рабочего класса, а в инструмент пробивания привилегий членам профсоюзов. Вплоть до того, что профсоюз обеспечивал своим членам наем их детей на работу, не давая другим членам общества занять их место⁸.
2. *Высокие налоги.* Прежде всего речь идет о высоких корпоративных налогах и высоких ставках прогрессивного налогообложения. Так как государство активно перераспределяло доходы от одних групп к другим, это привело к тому, что наиболее эффективные производители должны были платить более чем пропорциональный налог. Следствием этого стало то, что производительность экономики падала. Вплоть до того, что всем стало очевидно: «цена» прогрессивного налогообложения — благосостояние всех граждан.
3. *«Бесплатное» здравоохранение и образование.* В Европе эта модель была использована гораздо последовательнее. Особенно в Швеции⁹

⁸ «Профсоюзы использовали свой контроль над системой массового производства не только для того, чтобы выторговывать относительно высокую зарплату и все новые привилегии, но и для того, чтобы противостоять внедрению любых свежих идей — таких, например, как комплексное управление качеством» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 312].

⁹ В Швеции «доля государственных расходов в ВВП почти удвоилась с 1960 по 1980 г. и достигла 67 % в 1993 г. В 1950–1990 гг. в государственном секторе появи-

(см. ниже «эффект Помперипоссы»). Однако и в США государство стало гораздо активнее вмешиваться в процесс создания «общественных благ». Естественно, никакого бесплатного образования и медицины быть не может. Рост бюрократизации этих отраслей привел к тому, что они стали гораздо дороже, чем до этого. Такова цена «бесплатности» в исполнении государства. Скупой, как известно, платит дважды¹⁰.

4. *Кейнсианская настройка экономики.* Если рост налоговой нагрузки приводит к замедлению экономики, то кейнсианский рецепт состоит в том, чтобы влить в экономику побольше денег. За счет таких манипуляций экономисты-кейнсианцы обещали обеспечить стабильный рост экономики, низкую инфляцию, высокие налоги и государственные расходы при полной занятости. Фактически же их политика привела к росту безработицы, инфляции и экономическому спаду.

После президентства Эйзенхауэра¹¹ [Johnson 1997, p. 852–858] к власти пришло новое поколение политиков, не прошедшее через опыт работы в рузвельтовских агентствах. Молодой президент Джон Кеннеди (первый президент США, родившийся в XX в.), победивший на выборах

лось более миллиона новых работников, в то время как в частном секторе за тот же период — ни одного» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 493].

¹⁰ В 1965 г. Конгресс принял программы Medicare и Medicaid. В период с 1966 по 1980 г. Medicare предоставил медицинскую страховку примерно 20 млн пожилых людей. К 1980 г. Medicaid охватывал около 12 млн бедных людей. За последние 55 лет США потратили почти два триллиона долларов в год (в долларах 2012 г.). Эти расходы банкротят страну, они составляют основную долю в 16-триллионном государственном долге (за счет расходов на Medicare, Medicaid и Social Security). Здравоохранение также является барьером номер один для глобальной конкурентоспособности США (согласно Эдварду Демингу) и является крупнейшим источником финансовых неприятностей и личных банкротств. «Кризис дороговизны здравоохранения» в США начался в 1965 г. Правительство увеличило спрос на врачей, введя в действие программы Medicare и Medicaid, одновременно ограничив предложение врачей и больниц. Цены на здравоохранение росли в два раза быстрее, чем инфляция. См.: <https://mises.org/wire/how-government-regulations-made-healthcare-so-expensive>.

¹¹ Эйзенхауэр выполнил обещание завершить войну. Следует отметить, что Корейская война 1950–1953 гг. способствовала росту государственных расходов и инфляции [Фридман 2007]. Однако самым пагубным следствием стало то, что во время ее проведения ФРС опробовала механизм перекладывания инфляции на Европу, где страны использовали доллар США в качестве резервной валюты [Усанов 2019].

в 1960 г., был настроен решительно на расширение власти государства. Главное, что он сделал для этого, состояло в том, что он наполнил Совет экономических консультантов экономистами-кейнсианцами. Роберт Со-лоу (р. 1924) признавался, что вместе с коллегами-интервенционистами праздновал победу: «Мы завоевали сердце президента США!»¹² Хотя Кеннеди сменил не самый молодой президент Линдон Джонсон, он был также членом демократической партии и убежденным последователем Джона Кеннеди в экономической политике. Он стал еще более решительно совершать наступление на рыночную экономику.

В 1960-е гг. произошел поворот в экономической политике, на место убеждения в необходимости ограниченного государства пришла идея «нового фронта» — завоевания новых «командных высот» [Yergin, Stanislaw 2002] государством.

Почему произошел поворот во внутренней американской политике? Можно выделить шесть факторов, которые способствовали этим изменениям.

1. *Естественное расширение власти государства.* Не следует забывать, что государство, являясь монополией на насилие [Wooldridge 1970], всегда стремится расширить свою власть. Так как чиновники и бюрократы являются такими же людьми, как и все остальные, они стремятся к достижению собственных целей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при отсутствии внешнего давления бюрократы и чиновники стремятся увеличить выделяемые им бюджеты, дискреционные полномочия и увеличить численность бюрократии. Бдительность — это плата за сохранение свободы. В этот период американской истории население, увлеченное новинками рынка и ростом личного благосостояния, не замечало проблемы, которая дала о себе знать в полный рост чуть позже. Процессы, которые происходили в США в 1960–1970 гг., в известном отношении противоречат теории храповика Роберта Хиггса [Хиггс 2010]. Хиггс объяснял рост государства кризисами, которыми пользуется Левиафан. В данном же случае это был период, лишенный мировых войн и великих депрессий. Однако государство постоянно увеличивало свое вмешательство, не встречая активного сопротивления. Вопросы стали появляться лишь во время Вьетнамской войны и то не сразу обрели четкую форму.

¹² См. документальный фильм «Командные высоты»: <https://www.youtube.com/watch?v=8NA4cMuJLBw>.

2. *Смена поколений и партии у власти.* Поколение тех, кто родился в XIX в., полностью ушло в прошлое¹³. Им на смену пришли политики-технократы, убежденные в том, что они могут попробовать вновь реализовать идеи Ф. Рузвельта, но уже с учетом развития макроэкономики после Кейнса [Де Фрей 2019]. Молодое поколение всегда считает себя умнее старшего и на первых этапах не замечает того, что ему явно не хватает опыта. Поколение Кеннеди сыграло свою роль в расширении бюрократии в США в период 1960–1970-х гг. Однако за это время выросло новое поколение, которое видело, что у них нет перспектив в экономике без экономического роста, где все места поделены между политическими лидерами и профсоюзами. В конце 1970-х гг. новое поколение жаждало перемен и видело их в свободном рынке. Хайек отмечал, что только в этот период он увидел, как возрождается вера в свободный рынок у молодого поколения.
3. *Радикализация американских университетов.* Интеллектуалы склонны не доверять процессам, которые не контролируются сознательно. Кроме того, они часто убеждены, что им нет места на свободном рынке. Интеллектуал, не получивший хорошего экономического образования, почти гарантированно будет носителем антикапиталистической ментальности. В 1960–1970-е гг. в США не только увеличивается количество студентов в университетах, на факультетах появляются свои «рок-звезды» — философы, историки, социологи, антропологи, которые взращивали в молодом поколении бунт против капиталистической системы. Здесь особую роль сыграла Франкфуртская школа и постмодернизм [Готфрид 2009]. Социалисты на кафедрах нашли новый способ мобилизации своих сторонников — «культурный марксизм», когда место пролетариата заняли различного рода «меньшинства»: сексуальные, расовые. Они боролись с государством, требуя еще большего государства и социализма. Итогом стал глубокий моральный и экономический кризис, который предсказывала Айн Рэнд [Рэнд 2015].

¹³ Поколенческий подход, который используют Дмитрий Травин и Владимир Гельман в статье «“Загогулины” российской модернизации: смена поколений и траектории реформ» [Гельман, Травин 2013, с. 14–38], может быть применен для описания смены поколений и элит в истории США в период «социального государства».

4. *Снижение конкурентоспособности.* Свою роль сыграли и представители крупного бизнеса. Успехи американских товаров на мировом рынке взрастили убеждение у крупного бизнеса в своей непобедимости. Американский крупный бизнес пропустил момент, когда у него появились мощные конкуренты из других регионов: Япония, Южная Корея, Китай. Однако, начиная проигрывать, крупный бизнес вовсе не хотел терять свое положение на рынке. Поэтому многие компании, становясь неконкурентоспособными, прибегали к политическому лоббизму и защите своей отрасли от иностранных конкурентов. Они стали искать финансовую поддержку у государства. В очередной раз альянс крупного бизнеса и государства породил экономическую стагнацию¹⁴. На графике в книге Гринспена и Вулдриджа с динамикой производительности отчетливо видно, как падала производительность труда в этот период [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 342].
5. *Импорт идей из Великобритании.* Несмотря на то что США после Второй мировой войны были лидерами в науке и технике, экономические и политические концепции продолжали импортироваться из Великобритании. Факультеты и кафедры переносили на американскую почву идеи англичанина Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946) [Скидельски 2005] и его последователей-англичан Джона Хикса (1904–1989) и Лайонела Роббинса (1898–1984), которые были убеждены в благотворности его методов и в мирное время. Особую роль в этом процессе сыграл Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006) [Гэлбрейт 2004]. Он сам считал, что смог экспортировать идеи Кейнса

¹⁴ В этот период были крайне популярны конгломераты: «между 1950 и 1959 гг. 4789 промышленных и добывающих компаний, общей стоимостью активов 15,4 млрд долл., объединились в различные конгломераты. Прекрасный пример этого – история компании RCA: даже уступая конкурентам в борьбе за формирующийся рынок цветных телевизоров, она продолжала активно диверсифицироваться. Решение приобрести книгоиздателя Random House можно попытаться оправдать хотя бы тем, что это было предприятие, также занимавшееся «коммуникационным» бизнесом, чего никак нельзя сказать о поглощениях прокатной компании Hertz Rent a Car, производителя ковров Coronet Carpets, поставщика замороженных обедов Banquet Foods или компании, которая шила одежду для гольфа» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 362]. Когда снижается эффективность ведения бизнеса, монополизация за счет государства – работающая стратегия для отдельного бизнесмена. Но для все экономики это путь к стагнации.

в США. Самые известные книги Гэлбрейта, вышедшие в 1960-х гг., становились бестселлерами и принимались на ура такими экономистами-технократами США, как Пол Самуэльсон (1915–2009).

6. *Сциентистская гордыня кейнсианцев*. Некритическое перенесение методов естественных наук в науки о человеческой деятельности Хайек называл сциентизмом [Хайек 2003]. За образец бралась физика, и все, кто не принимал методов физики в социальных науках, клеймились как идеологи и псевдоученые. Экономические факультеты университетов были заражены подражанием факультетам физики. Экономiku видели как огромную машину, где эксперты играют роль регулировщиков цен, объемов производства, потребления и инвестиций. Так кейнсианцы очень просто объясняли, что нужно делать в период рецессии. Отрицательный наклон кривой Филлипса показывает, что для обеспечения полной занятости нужно увеличить денежную массу. Это вызовет рост экономики и купит проблему безработицы. 1970-е гг. полностью опровергли убеждение, что есть отрицательная связь между инфляцией и безработицей. Сциентистская гордыня экономистов-кейнсианцев породила, пожалуй, больше бед для американской экономики, чем остальные причины.

Американский MONIAC

В период наибольшей популярности идей сциентизма, кривой Филлипса и кейнсианского дирижизма была разработана машина MONIAC (*Monetary National Income Analogue Computer*), моделирующая поведение экономики.

Ее технико-экономические характеристики можно найти в «Википедии»: «Размер MONIAC составлял примерно 2 м в высоту, 1,2 м в ширину и почти 1 м в глубину. Сам MONIAC состоял из ряда прозрачных пластиковых емкостей и труб, которые крепились к деревянной доске. Каждый бак представлял какой-либо аспект национальной экономики. Денежный поток демонстрировался цветной водой. В верхней части доски был большой резервуар, который назывался *казной*. Вода (представляющая деньги) протекала из *казны* в другие резервуары, представляющие различные способы расхода денег. Например, были баки, которые “отвечали” за здравоохранение и образование. Для увеличения расходов на здравоохранение следовало открыть кран для слива воды из

казны в бак, который “олицетворял” расходы на здравоохранение¹⁵. Далее вода текла в другие баки, представляющие другие взаимодействия в экономике. Вода могла закачиваться обратно в казну из некоторых баков, представлявших налоги. Изменения налоговых ставок были смоделированы путем увеличения или уменьшения мощности насоса. С помощью тех же принципов моделировались сбережения и доход от инвестиций. Расход воды автоматически контролировался через серию поплавков, противовесов, электродов и проводов. Когда уровень воды в баке достигал определенного уровня, включались соответствующие насосы. Экономические показатели (например, налоговые ставки и инвестиционный курс) вводились установкой клапанов, которые контролировали поток воды в компьютере. MONIAC предназначался для использования в качестве учебного пособия. Наблюдая за работой MONIAC, студенты могли гораздо проще понять взаимосвязанные процессы в экономике. Для создания прототипа компьютера Филлипс собирал различные материалы, в том числе обломки, оставшиеся после войны, и части от старых бомбардировщиков. Так бомбардировщики позволили создать MONIAC.

Терри Пратчетт (1948–2015) в романе “Делай деньги” описывает аналогичное устройство в качестве основного пункта сюжета. Однако устройство может не только использоваться для имитации экономики, но и магическим образом влиять на нее¹⁶.

Экономическое образование после Второй мировой войны возвращало экономистов-технократов, которые смотрят на экономику как MONIAC. Доверие к экспертам, которые правильно настроят экономику, породило запрос на имплементацию этих идей в политику. Следствия были катастрофическими. «Машина» сломалась и породила стагфляцию. Пришлось выбросить ее на помойку и вспомнить о том, что экономика устроена гораздо сложнее, чем те объекты, что исследуют математика и физика. Вера в магию науки ничем не лучше веры в обычную магию.

¹⁵ Возможно, это хорошо иллюстрирует, куда в действительно уходили средства налогоплательщиков.

¹⁶ См. «Википедию»: <https://en.wikipedia.org/wiki/MONIAC>.

Последствия пагубной самонадеянности¹⁷

Главный закон экономики — редкость ресурсов, на всех всего не хватит. Главный урок политики — игнорирование главного закона экономики.

Томас Соуэлл (р. 1930)

Все мы теперь кейнсианцы.

Р. Никсон (1913–1994)

Попытка реализовать принципы Welfare State — это попытка создать экономику, игнорируя законы экономики. Поэтому последствия таких попыток были неизбежны.

Президент Линдон Джонсон, провозгласивший создание в США «Великого общества», не скупился на рост государственных расходов и программ. В частности, Линдон Джонсон «ввел в действие Закон об общественном вещании, Закон о добросовестной упаковке и маркировке, Закон о безопасности на дорогах» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 344]. Про него говорили его подчиненные, что «он принимает программы так, как ребенок ест шоколадное печенье» [Там же, с. 344]. Сам же Линдон Джонсон был полон решимости, не меньше чем Ф. Рузвельт: «Я сыт по горло теми, кто говорит о том, что мы что-то не можем сделать. Черт, да мы — богатейшая страна в мире, самая сильная страна. Мы можем все!» [Там же, с. 344]. Он это и делал: «...когда низкая процентная ставка разогнала инфляцию, Линдон Джонсон “наказал” поднявшие цены алюминиевые компании, выбросив на рынок часть государственных запасов, наказал производителей меди, ограничив ее экспорт, наказал даже производителей яиц, заставив главного санитарного врача выпустить предостережение об опасном для здоровья холестерине, содержащемся в яйцах» [Там же, с. 345]. Дирижистский зуд было нечем унять. Дошло дело и до медицины: «...в начале 1966 г. чиновники, отвечающие за федеральный бюджет, предсказывали, что Medicaid обойдется менее чем в 400 млн долл. в рамках федерального фискального 1967 г. На деле он стоил почти миллиард. Стоимость дня в больнице, поднимавшаяся на 6,4 % в год с 1961 по 1965 г., в 1967 г. выросла на 16,6 %, в 1968 г. — на 15,4 %,

¹⁷ См. классическую работу Хайека «Пагубная самонадеянность» [Хайек 1992].

в 1969 г. — на 14,5 %. Государственные затраты на помощь семьям с детьми-иждивенцами взлетели с почти нулевой отметки в 1962 г. до 392 млн долл. в 1967 г.» [Там же, с. 346].

Благодаря политике Welfare State «в 1971 г. США впервые с 1893 г. получили отрицательный торговый баланс. В 1974 г. инфляция составила рекордные 11 %. Рынок акций закончил десятилетие на том же уровне, с которого начинал. За 13 лет (с 1960 по 1973 г.) почасовая производительность в американском частном секторе выросла на 51 %. За 13 лет (с 1973 по 1986 г.) ее рост замедлился более чем вдвое» [Там же, с. 341].

Политика интервенционизма периода «социального государства» породила немало проблем:

1. *Рост бюрократии.* В период «социального государства» создавались либо получили значительный рост множество комитетов, которые регулировали авиаперевозки, торговлю между штатами, стандарты продукции. Как следствие, количество бюрократических ведомств и их сотрудников становилось гигантским и непосильным даже для самой мощной экономики мира. Это не только увеличивало нагрузку на бизнес, но и создавало стимулы вместо создания благ для потребителей заниматься «поиском ренты» [Таллок 2011]. Бюрократизация экономики стала совершенно очевидной для всех проблемой в конце 1970-х гг.
2. *Рост цен.* Увеличение издержек производства, а также бюрократизация экономики неизбежно приводят к сокращению реальных доходов за счет роста инфляции. В 1970-е гг. на это наложилось значительное увеличение цен на нефть странами экспортерами нефти. Однако этот внешний шок лишь усилил те тенденции, которые стали характерными с 1971 г., когда Никсон отказался от размена долларов на золото. С этого момента начался значительный рост денежной массы, который продолжается и сейчас [Усанов 2019].
3. *Безработица.* Предполагалось, что государство за счет кейнсианских инструментов не допустит роста безработицы. Однако в 1970-е гг. одновременно росли и инфляция, и безработица. Хайек в 1974 г. [Хайек 2011, с. 363–377] объяснял, что, скорее, кривая Филлипса имеет положительный наклон. Инфляция разрушает ценовые сигналы, которые устанавливает рынок, что приводит к ошибочному распределению ресурсов в экономике. В частности, это ведет к тому, что благодаря инфляции люди не могут найти работу на рынке, так как аллокация ресурсов нарушена благодаря разрушению рынка как информационной системы.

4. *Дефицит как следствие регулирования цен.* Р. Никсон отреагировал на рост цен введением предельных цен. Это не решило проблему доступности благ, но породило гигантские очереди, в том числе в бензозаправки. Люди часами вынуждены были ждать свою очередь. То же самое было и на рынке недвижимости, где регулирование цен порождало дефицит жилья.
5. *Крах Бреттон-Вудской системы.* «Социальное государство» требовало роста государственных расходов и денежной массы. Это приводило к тому, что доллар все меньше обеспечивался золотом, которое хранилось в Форт-Ноксе. В 1968 г. Франция решила обменять доллары на золото и послала для этого военный крейсер в США. Если бы не решение Никсона приостановить обмен долларов на золото, США лишились бы всех золотых резервов. Крах Бреттон-Вудской системы окончательно разрушил сдерживающие механизмы, не позволявшие центральному банку бесконтрольно эмитировать новые доллары.

Все эти факторы наложились друг на друга в конце 1970-х гг. и вызвали «идеальный шторм». Произошло «полное рассеивание ренты», которое предсказывала Айн Рэнд в романе «Атлант расправил плечи» [Рэнд 2015] и которое описал в статье Брайан Каплан [Каплан 2008, с. 197–206].

Хорошей иллюстрацией этого является тот факт, что в 1975 г. город Нью-Йорк фактически признал себя банкротом. Лишь помощь федерального правительства спасла его, президент Джеральд Форд все же выделил необходимую для этого сумму. Однако кто же спасет само федеральное правительство?

Таковы были последствия политики государственного регулирования.

Рождение «неолиберализма»

Хотя термин «неолиберализм» возник в 1930-е гг. в кругу Хайека и имел вполне определенный смысл — возрождение принципов классического либерализма, тем не менее сегодня он носит в основном ругательный характер [Стедмен-Джоунз 2017].

Попытка разработать новую версию классического либерализма в рамках этого движения не удалась. Однако поиски, перенесенные на территорию США, породили мощное интеллектуальное движение —

либертарианство. В таблице перечислены лишь наиболее важные и известные представители данного направления, внесшие существенный вклад в либертарную теорию.

Вклад	Представители	Содержание
Объективизм	Айн Рэнд (1905–1982), Натаниэл Брэнден (1930–2014), Леонард Пейкофф (р. 1933)	Обоснование индивидуализма и радикального капитализма
Теория общественного выбора и конституционная политическая экономия	Джеймс Бьюкенен (1919–2013), Гордон Таллок (1922–2014)	Исследование «провалов государства» и необходимости конституционных ограничений на размер государственных расходов
Австрийская школа	Людвиг фон Мизес (1881–1973), Фридрих фон Хайек (1899–1992)	Теория интервенционизма и капитализма
Анархо-капитализм	Мюррей Ротбард (1926–1995)	Модель безгосударственной экономики
Экономика и право	Бруно Леони (1913–1967) [Леони 2008]	Право как пример «спонтанного порядка», не нуждающегося в государстве
Институциональная теория государства	Мансур Олсон (1932–1998)	Рассмотрение деятельности государства как «стационарного бандита»

В период «социального государства» и интервенционизма сторонникам классического либерализма пришлось вырабатывать новую стратегию. Было понятно, что решить проблему в краткосрочном периоде совершенно невозможно. Нужно менять общественное мнение, что происходит не так быстро и требует иных инструментов по сравнению с политической борьбой. Когда «успешный 30-летний предприниматель и боевой летчик-истребитель Энтони Фишер¹⁸, служивший в конце войны в центре по подготовке пилотов, прочитал сокращенный вариант

¹⁸ Фишер был успешным предпринимателем: выращивая куриц, он «сделал больше для того, чтобы курица оказалась в кастрюле каждой семьи, чем любой король или политик» [Стедмен-Джоунз 2017, с. 205].

“Дороги к рабству” по пути в Лондон, он сразу же разыскал Хайека в Лондонской школе экономики, чтобы встретиться и поговорить. По воспоминаниям самого Фишера, между ними состоялся такой обмен репликами:

Фишер: Я разделяю выраженные Вами в “Дороге к рабству” беспокойство и озабоченность, поэтому иду в политику, чтобы все исправить.

Хайек: Нет! Направление развития общества можно изменить только путем изменения идей. Прежде всего с помощью разумных аргументов необходимо завоевать умы интеллектуалов, учителей и писателей. А уже их влияние на общество обеспечит торжество этих идей, и политики последуют» [Стедмен-Джоунз 2017, с. 205].

Послушав Хайека, Фишер стал филантропом и учредил Институт экономических дел, сыгравший огромную роль в распространении идей свободного рынка. В последующие годы были созданы другие фонды, ставившие схожие задачи.

Верность этой стратегии подтвердил Рональд Рейган. Он признавался в 1983 г.: «Историки, которые хотят понять события второй половины XX века, должны будут обратить внимание на такие собрания, как это (в фонде “Наследие” в 1983 г. — *П. У.*)» [Там же, с. 177].

Нужны были новые идеи, которые позволили бы преодолеть кризис и возродить идеи свободного рынка и индивидуализма. Как писал Хайек: «Чтобы старые истины сохраняли свое влияние на людские умы, их нужно формулировать заново, используя язык и понятия очередного поколения. Некогда яркие выражения постепенно изнашиваются и утрачивают конкретное значение. Стоящие за ними идеи могут оставаться такими же актуальными, как и прежде, но слова — даже если они описывают все еще существующие проблемы — утрачивают былую убедительность» [Хайек 2018, с. 15]. Новые разделы экономической теории были призваны это сделать. Так, появление конституционной политической экономии неразрывно связано с созданием Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком нового раздела экономической теории — теории общественного выбора, который подразумевал исследование политических процессов с помощью инструментария экономической теории. Само появление теории общественного выбора связано с доминированием интервенционистской экономики благосостояния, которую разработал Артур Пигу [Пигу 1985]. Основная идея экономики благосостояния состояла в том, что только рынки с совершенной конкуренцией обеспечивают распределение в соответствии с критерием Парето. Реальные рынки характеризуются тем, что они не обладают свойствами модели

совершенной конкуренции, то есть не обеспечивают распределение ресурсов по критерию Парето. Это стали называть «провалами рынка». Каждый такой «провал рынка» должен рассматриваться как повод к государственному вмешательству для обеспечения оптимума Парето либо за счет «налога Пигу», либо за счет «субсидии Пигу». При этом упускается из внимания тот факт, что существуют «провалы государства», которые, если мы их будем учитывать, могут привести нас к выводу, что «провалы рынка» порождают гораздо менее болезненные последствия, чем «провалы государства»¹⁹ [Усанов 2017b].

В 1957 г. вышла в свет книга Энтони Даунса «Экономическая теория демократии» [Downs 1957], от даты публикации которой принято отсчитывать рождение теории общественного выбора. Следует отметить, что в этом же году вышла в свет книга Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» [Рэнд 2015], которая была яростной атакой на доктрину коллективизма, вызвав колоссальные изменения в общественном сознании в отношении оценки капитализма и социализма, и способствовала возрождению популярности идей свободного рынка. Б. Каплан продемонстрировал, какая существует связь между теорией общественного выбора и романом Айн Рэнд [Каплан 2008, с. 197].

Позже выходят классические работы Дж. Бьюкенена и Г. Таллока «Расчет согласия» и «Границы свободы: между анархией и Левиафаном» [Бьюкенен 1997], в которых авторы закладывают основы теории «провалов государства»²⁰. Тем самым теория общественного выбора возвращает экономическую теорию к периоду, когда недоверие к государственной экономической политике было повсеместным²¹, а взгляд на политиков как на максимизаторов собственной выгоды — как естествен-

¹⁹ Уэрта де Сото разработал теорию динамической эффективности, позволяющую преодолеть статический характер неоклассической теории [Уэрта де Сото 2011].

²⁰ «Концепция общественного выбора предлагает “теорию провалов государства”, вполне сравнимую с “теорией провалов рынка”, возникшей на основе экономической теории благосостояния 1930-х и 1940-х гг.» [Бьюкенен 2004, с. 418].

²¹ Однако в условиях всеобщего избирательного права недоверие к государству очень сложно конвертировать в соответствующие политические перемены. Сама демократия может быть авторитарной: «Демократия вполне может быть тоталитарной, и легко себе представить авторитарное правительство, придерживающееся либеральных принципов» [Хайек 2018, с. 134]. Поэтому вопрос о способах реформирования общества становится гораздо сложнее, чем в XIX веке.

ный и очевидный²². В 1986 г. Бьюкенен получает Нобелевскую премию по экономике. Пожалуй, это период наибольшего расцвета теории общественного выбора.

Сова Минервы начинает свой полет в сумерках

Хотя эпоха «социального государства» была мрачным периодом для политики свободного рынка, тем не менее это был «золотой век» либертарианской теории. Именно тогда появились самые значимые элементы того, что Владимир Золоторев назвал «либертарианским борщом»²³. В 1949 г. вышел в свет главный труд Мизеса «Человеческая деятельность» [Мизес 2012], его переиздания в 1960-х гг. и новые книги сформировали либертарианское комьюнити в США [Хюльсманн 2013]. В 1950–1970-х гг. были написаны главные работы представителей теории общественного выбора и конституционной политической экономии — Дж. Бьюкенена и Г. Таллока [Бьюкенен 1997; Таллок 2011]. В этот же период были написаны наиболее важные работы М. Ротбарда [Rothbard 2009; Ротбард 2010, закладывающие основы для теории анархо-капитализма. Тогда же Хайек получил Нобелевскую премию по экономике и опубликовал революционную для своего времени книгу о том, что свободный рынок может лучше государства решить проблему денежного обращения [Хайек 1996]. Уолтер Блок [Блок 2011] написал свой

²² Отсюда следует необходимость ограничить естественную склонность у бюрократии к саморасширению, что можно попытаться осуществить за счет конституционной реформы. Бьюкенен писал: «Мне кажется очевидным, что перспективы любой реформы или улучшения должны находиться в замысле и устройстве эффективных конституционных ограничений на государственное управление» [Buchanan, Musgrave 2000, с. 110]. Бьюкенен полностью согласен в этом вопросе с Хайеком: «Убеждение, что демократическая процедура позволит отказаться от всех других ограничений, сдерживающих правительственную власть, оказалось трагической иллюзией» [Хайек 2006, с. 327]. И приходит к выводу: «...возможность выбирать своих правителей не гарантирует свободы» [Хайек 2018, с. 33]. Этот вывод крайне был актуален в период «социального государства». Таким он остается и сейчас.

²³ См. выступление Владимира Золоторева на конференции «Капитализм и свобода»: «Как от Хайека перейти к Ротбарду: как спонтанные порядки приводят к анархо-капитализму» в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2019 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=7FSpwFWbLLk>). См. также его книгу «Либертарианская перспектива» [Золоторев 2019].

наиболее известный труд «Овцы в волчьих шкурах» также в этот период. Самый известный учебник Пола Хейне «Экономический образ мышления» вышел в свет в 1973 г. [Heune 1973]

Отдельно необходимо рассмотреть движение объективизма. Айн Рэнд в 1957 г. опубликовала свой знаменитый роман также в период «золотого века либертарианской теории» и тогда же выпустила ряд философских книг и сборников эссе в защиту капитализма.

Рэнд становилась все более популярной, благодаря ее книгам миллионы американцев вновь поверили в возможности индивидуализма. Набирало силу либертарианское движение в Америке (правда, сама Айн Рэнд не считала себя либертарианцем)²⁴.

В 1963 г. Айн Рэнд отправилась в свою первую поездку с лекциями в Сан-Франциско. Зал был арендован на 250 человек, а пришли 500. В Лос-Анджелесе решили подстраховаться и арендовали зал на 600 человек, а пришли 1100. Подобный ажиотаж ее ждал, куда бы она ни отправилась.

В университетах стали возникать кружки Айн Рэнд. «Уолл-Стрит Джорнэл» писала: «Заседая в кабинках закусочных в студенческих кампусах, юные рэндисты говорят о своем интеллектуальном лидере так, как их отцы и матери поколение тому назад говорили о Карле Марксе» [Никифорова, Кизилев 2020, с. 267]. К осени 1963 г. циклы лекций ученика Айн Рэнд Натаниэля Брэндена читались в 54 городах США и Канады. В следующем году их посетили 3500 слушателей и еще несколько тысяч прослушали отдельные лекции [Там же].

Кроме Рэнд и других сторонников свободного рынка, был еще и Милтон Фридман, прославившийся серией своих передач «Свобода выбора», где он защищал капитализм и подвергал жесткой критике «социальное государство» [Фридман 2006]. Видимо, именно ему пришлось сыграть наиболее важную роль в «проталкивании» реформ.

Как бы там ни было, к 1979 г. образованный гражданин США был во всеоружии против государства-Левиафана. Политики почувствовали изменение политического климата и вышли на «политический рынок» с идеями ограничения власти государства.

Именно это привело к тому, что президентом США в 1980 г. стал Р. Рейган.

²⁴ О зарождении либертарианского движения в Америке после Второй мировой войны см. классический труд Г. Хьюльсмана «Последний рыцарь либерализма» [Хьюльсманн 2013, с. 601–632] и книгу Д. Боуза [Боуз 2014].

«Эффект Помперипоссы»

Как писал Алексис де Токвиль, предвосхищая появление «социального государства»: «Эта власть абсолютна, дотошна, постоянна, предвзвешенна и милосердна. Она была бы подобна власти родителей, если бы, подобно им, ее целью была подготовка людей к зрелости; но она стремится, напротив, держать их в вечном детстве; ей довольно того, чтобы люди веселились, при условии, что они не будут думать ни о чем, кроме веселья. Правительство охотно трудится для их счастья, но предпочитает быть единственным источником и единственным арбитром их счастья; оно заботится об их безопасности, предвидит и удовлетворяет их потребности, содействует их удовольствиям, справляется с их главными заботами, направляет их прилежание, регулирует передачу собственности и делит их наследство. Что же остается, кроме как избавить их от беспокойств, создаваемых мышлением, и от всех тревог жизни?» [Токвиль 1994, с. 496].

Одни предпочитали существовать за счет социальных программ государства. Другие же лишались экономических стимулов к честному труду. Хайек описывал это так: «Всемогущая демократия фактически неизбежно ведет к своего рода социализму, но к социализму, которого никто не хочет... не оценка заслуг отдельных лиц или групп большинством (потребителей на рынке), но мощь этих лиц или групп, направленная на выбивание из правительства особых преимуществ, — вот что определяет теперь распределение доходов» [Науек 1978, р. 307].

Медленно, но верно начал работать «эффект Помперипоссы»: «В 1976 г. Астрид Линдгрэн, создательница повести “Пеппи Длинный-чулок”, получила налоговый счет на 102 % от своего годового дохода и написала сказочную историю о колдунье-писательнице Помперипоссе, забросившей писательское ремесло ради беззаботной жизни безработного, тем самым подарив экономистам новый термин — “эффект Помперипоссы”, описывающий налоговое бремя, превышающее сумму полученного дохода.

В конце концов система зашла в тупик. В 1991 г. Швеция погрузилась в так называемый ночной кризис: шведская банковская система приостановила работу, иностранные инвесторы потеряли доверие к правительству, а ипотечные ставки ненадолго выросли до 500 %. Консервативное правительство Карла Бильдта приняло ряд радикальных мер, чтобы вернуть страну на правильный путь. Швеция сократила долю государственных расходов в ВВП с 67 % в 1993 г. до 49 % в настоящее время.

Она снизила максимальную ставку налога и расчистила авгиевы конюшни запутанной системы налогов на имущество, подарки, богатство и наследство. Правительство связало себя фискальной смирительной рубашкой, обязывающей заканчивать каждый экономический цикл с профицитом. Государственный долг сократился с 70 % ВВП в 1993 г. до 37 % в 2010 г.» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 493].

Схожие процессы, но раньше, стали происходить и в США.

Питер Беттке, работавший на заправке бензина во время stagflation, увидел воочию то, как государство создает дефицит. Он еще не знал, как именно. Когда он накопил достаточно денег, чтобы продолжить учебу, ему попался профессор Ханс Сенхольц (1922–2007), ученик Мизеса, который объяснил молодому человеку, как регулирование цен порождает дефицит. Так события 1970-х гг. породили соавтора знаменитой книги Пола Хейне «Экономический образ мышления». Теперь этот знаменитый учебник по экономике выходит под авторством трех профессоров экономики. Один из них — Питер Беттке [Хейне, Беттке, Причитко 2019], он хорошо понял главный урок экономики и научил ему множество студентов Университета Джорджа Мейсона и других университетов.

Однако вера в то, что можно построить правильное «социальное государство», не порождая тех же последствий, продолжает существовать. Даже когда наступает очередной провал, сторонники этатизма полагают, что это было не настоящее «социальное государство», примерно так же, как социалисты полагают, что в СССР не было настоящего социализма и нужно попробовать снова²⁵.

²⁵ Р. Капелюшников делает неутешительный прогноз: «В мейнстриме современной экономической теории — точнее, в его нормативной составляющей — доминирует “классическое” представление о человеке политическом, ставящем превыше всего благо общества. В государстве представители экономического мейнстрима продолжают по умолчанию видеть благожелательного диктатора (своего рода *deus ex machina*), вмешательство которого необходимо везде, где рынок терпит провалы, не справляясь с задачей оптимального размещения ресурсов. Исправляя их, оно, как предполагается, всегда будет действовать в интересах общества. Нельзя, однако, не заметить, что в тех случаях, когда “провалы” терпит само государство, современная нормативная теория не склонна призывать к ослаблению государственного вмешательства и предоставлению большей свободы рынку. Вместо этого она, как правило, поступает наоборот, призывая к замене менее жесткой формы регулирования, продемонстрировавшей свою несостоятельность, более жесткой, которая и решит все проблемы. При такой интеллектуальной игре в одни ворота не нужно удивляться, если в ближайшие десятилетия мы станем свидетелями

Александр Долинин так описывает явление, при котором никакие факты не могут подорвать веру прозелитов: «Отношение к несбывшимся пророчествам хорошо известно социологам, изучавшим его на примере поведения членов эсхатологических сект. Классическое исследование такого рода провел в 1950-е гг. Леон Фестингер (1919–1989), автор теории когнитивного диссонанса. Его заинтересовала немногочисленная, но весьма активная секта, харизматический лидер которой, домохозяйка из Чикаго, убедила своих последователей в том, что находится в контакте с обитателями некоей планеты Клариян. Инопланетяне сообщили ей, что 21 декабря 1954 г. должен произойти конец света, от которого спасутся (на специально присланной за ними летающей тарелке) лишь истинные верующие.

Члены секты, поверив своему лидеру, стали готовиться к гибели мира и эвакуации на Клариян: распродали имущество, ушли с работы и учебы, попрощались с родными и близкими и собрались в назначенном месте. Внедренные в секту под видом неопитов социологи подробно описали реакцию сектантов на неосуществление пророчества и возникший вследствие этого когнитивный диссонанс. Вместо того чтобы отказаться от своей веры, члены секты после некоторых размышлений пришли к выводу, что ранее они неправильно интерпретировали полученные сообщения, которые носили не столько конкретный, сколько символический характер, что пророчество так или иначе сбудется в недалеком будущем и что их главная задача — заняться прозелитизмом, дабы увеличить число верующих (и тем самым подтвердить истинность самого вероучения).

Описанный Фестингером и его коллегами механизм “переподтверждения” неосуществившихся пророчеств, как заметил известный английский литературовед Фрэнк Кермоуд, характерен для всех разновидностей наивного апокалиптического сознания, которому рано или поздно приходится решать проблему напрасных ожиданий.

Большинство интерпретаций Апокалипсиса предполагают, что Конец наступит очень скоро. Соответственно, историческую аллегория постоянно приходится ревизовать, ибо время ее дискредитирует. И это очень важно. Сам же Апокалипсис может не подтверждаться, но при этом не быть дискредитированным. В этом разгадка его необычайной живучести» [Долинин 2020, с. 61–62].

нарастающей эскалации государственного интервенционизма» [Капелюшников 2020, с. 35].

То же самое явление имеет место и среди сторонников «нового нового курса».

Итоги «социального государства» были неутешительными. Темпы экономического роста сократились с 6,5 % в 1965 г. до 0,5 % в 1974 г. Инфляция была 1,3 % в 1964 г., в 1974 г. она составила 11 %. Доля безработных была 3,5 % в 1966 г. и 8,5% в 1975 г. Профицит торгового баланса в 1964 г. был 6 %, в 1978 г. дефицит торгового баланса был 29,8 %. Темпы роста производительности были 4,1 %, в 1974 г. — 1,6 %. Как мы видим, в период экономической свободы положение дел было гораздо лучше, чем в период «социального государства»²⁶.

Как говорил Бенджамин Франклин: «Те, кто в основном отказываются от свободы ради покупки временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности». В итоге «социальное государство» привело к тому, что его сторонники потеряли не только свободу, но и безопасность. Урок из эпохи «социального государства» состоит в том, что не стоит снова пытаться обменивать свободу на безопасность, так как в результате вы потеряете и то и другое.

Самый счастливый день в жизни Хайека

В 1944 г. вышла книга Хайека «Дорога к рабству». Идеи классического либерализма были тогда не в моде. Маргарет Тэтчер, будучи студенткой Оксфорда, читала знаменитую книгу Хайека. Однако долгие годы идеи ученого находились в забвении. Казалось, его идеи о рынке и индивидуальной ответственности ушли в прошлое. В 1950–1970-х гг. господствовали идеи его интеллектуального противника Дж. М. Кейнса. Лишь в ФРГ Л. Эрхард опирался в своих реформах на идеи Хайека. Книги Хайека не пользовались популярностью, экономисты вычеркнули его из своих рядов, попытки возродить в Вене австрийскую школу не увенчались успехом.

В 1970-х гг. ситуация кардинально изменилась. Хайек не только получил Нобелевскую премию по экономике в 1974 г., но и стал своего рода академической «рок-звездой», его приглашали с лекциями, брали интервью, его идеи снова оказались в центре внимания. 8 мая 1979 г. Хайек в день своего 80-летия написал письмо М. Тэтчер о том, что луч-

²⁶ Источник: Bureau of Economic Analyses; Bureau of Labor Statistics, Economic Report of President, 2005.

шим подарком для него стала победа Тэтчер на выборах. В ответном письме она признавалась, что книги Хайека внесли решающий вклад в ее победу на выборах.

В 1980 г. президентом США стал Р. Рейган, который также считал себя поклонником идей Хайека. Он вручил Хайеку Медаль Свободы.

Так, на склоне лет к Хайеку пришли признание и известность. Через некоторое время после этих событий исчезла плановая экономика СССР, что Хайек предсказывал задолго до этого. Последующие 40 лет пройдут под прямым или косвенным влиянием его идей. В 1980-х гг. корпорация Apple запустила свои новые компьютеры. В век интернета и глобальных рынков была создана «Википедия». Ее основатель признавался, что на это его подвигли идеи Хайека о децентрализованном экспериментировании и спонтанном порядке.

Алан Эбенштейн в наиболее фундаментальной биографии Хайека описал тот период, когда к Хайеку пришел успех:

«В 1984 г. королева Елизавета II вручила Хайеку Орден Кавалеров Почета (Order of the Companions of Honour) по рекомендации М. Тэтчер за “заслуги в исследовании экономики”, были даже надежды на то, что Хайек получит титул баронета. Тогда бы у него был титул, как и у его противника Дж. М. Кейнса.

Из всех наград Хайек особенно гордился тем, что получил Орден Кавалеров Почета, включавшего в себя двадцатиминутную аудиенцию с королевой. Члены его семьи вспоминали, что Хайек первоначально не придавал этому мероприятию большого значения. Однако после аудиенции Хайек признавался, что он был “абсолютно очарован” королевой. Хайеку она показалась одним из самых доброжелательных, образованных и понимающих людей, которых он когда-либо встречал. Позже Хайек заметил: “Я был поражен королевой. Эта непринужденность и мастерство общения, как будто она знала меня всю жизнь”.

После аудиенции состоялся обед с семьей и друзьями в Институте экономических дел. Поздно вечером его невестка привезла Хайека в клуб экономических реформ. Она вспомнила, как Хайек, стоя в цилиндре и опираясь на зонтик, с широкой улыбкой на лице сказал:

“Это был самый счастливый день в моей жизни”» [Ebenstein 2001, р. 304–305].

Литература

- Абэ Т.* Осталгия: опыт восточных немцев после объединения Германии. М.: Мысль, 2017.
- Адамс Ч.* Влияние налогов на становление цивилизации. Челябинск: Социум, 2018.
- Бастиа Ф.* Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.
- Бернс Дж.* Айн Рэнд: эгоизм для победителей. М.: Бомбра, 2020.
- Блок У.* Овцы в волчьих шкурах. Челябинск: Социум, 2011.
- Боуз Д.* Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2014.
- Бьюкенен Дж.* Избранные труды. М.: Таурус Альфа, 1997.
- Бьюкенен Дж.* Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Гельман В., Травин Д.* «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ» // Неприкосновенный запас. 2013. № 4.
- Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, 2009.
- Гринспен А., Вулдридж А.* Капитализм в Америке: История. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. СПб.: АСТ, 2004.
- Гэлбрейт Дж.* Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес, 2018.
- Де Фрей М.* История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: Издательский дом «Дело», 2019.
- Джонсон П.* Современность: мир с двадцатых по девяностые годы. М.: Аноубис, 1995.
- Долинин А.* «Гибель Запада» и другие мемы. М.: Новое издательство, 2020.
- Золоторев В.* Либертарианская перспектива. От посткоммунизма к свободному обществу. Киев.: Ника-Центр, 2019.
- Капелюшников Р.* Экономические очерки. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- Капелюшников Р.* Кто такой НОМО OECONOMICUS? // Экономическая политика. 2020. № 1.
- Каплан Б.* «Атлант расправил плечи» и общественный выбор: очевидные параллели // Экономическая политика. 2008. № 3.
- Корнаи Я.* Размышления о капитализме. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- Леони Б.* Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008.

Маргания О., Травин Д. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: АСТ, 2011.

Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012.

Никифорова Л., Кизилов М. Айн Рэнд. М.: Молодая гвардия, 2020.

Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Киев: Ника-Центр, 2005.

Ротбард М. Государство и деньги. Челябинск: Социум, 2008.

Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2010.

Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США. Челябинск: Социум, 2016.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс: экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа политических исследований, 2005.

Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики. М.: Мысль, 2017.

Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994.

Усанов П. Модернизация после модернизации: либеральные реформы в развитых странах. (Препринт М-39/14; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Усанов П. Великая депрессия и Новый курс: уроки для современности. (Препринт М-56/17; Центр исследований модернизации ЕУСПб). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017а.

Усанов П. Наука о богатстве. СПб.: 2017а.

Усанов П. Будущее денег. СПб.: Страта, 2019.

Уэрта де Сото. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.

Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.

Фридман М. Монетарная история Соединенных Штатов: 1967–1960. Киев: Ваклер, 2007.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.

Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.

Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003.

Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.

Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011.

Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.

Хансен Э. Денежная теория и финансовая политика. М.: Дело, 2006.

Хейне П., Беттке П., Причитко Д. Экономический образ мышления. СПб.: Диалектика, 2019.

Хиггс Дж. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010.

Хюльсманн Г. Последний рыцарь либерализма: биография Людвиг фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013.

Чернявский Г., Дубова Л. Эйзенхауэр. М.: Молодая гвардия, 2015.

Buchanan J., Musgrave R. Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State. Cambridge, Mass; London: The MIT Press, 2000.

Downs A. Economic Theory of Democracy. NY: Harper, 1957.

Ebenstein A. Hayek: a biography. NY: Palgrave, 2001.

Hayek F. New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. Chicago: Chicago University Press, 1978.

Heyne P. The Economic Way of Thinking. Chicago: Science Research Associates, 1973.

Johnson P. A History of the American People. NY: Harper Collins Publisher, 1997.

Rothbard M. Man, Economy, and State. Auburn: Mises Institute, 2009.

Steele D. Orwell your Orwell: A Worldview of Slab. South Bend: St. August Press, 2017.

Straight M. After Long Silence. NY; London: Norton, 1983.

Wapshot N. Keynes and Hayek: The Clash That Defined Modern Economics. NY: W.W. Norton & Company, 2011.

Wooldridge W. Uncle Sam, The Monopoly Man. NY: Arlington House, 1970.

Yergin D., Stanislaw J. The Commanding Heights. NY: Simon & Schuster, 2002.

Павел Усанов

**Эпоха «социального государства» в США:
от завершения Второй мировой войны до Рейгана**

Препринт М-77/20

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru
Подписано в печать 20.04.20

